

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЯВЛЕНИЯ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ

© 2017 г. М. Небольсина

*НЕБОЛЬСИНА Мария Александровна, кандидат политических наук.
Институт международных исследований МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76
(nebolsinama@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 28.10.2016.

Статья посвящена феномену частных военных и охранных компаний (ЧВОК), рассматриваемому через призму различных теоретических концепций. В работе исследуются причины активизации ЧВОК на современном этапе, их взаимодействие с государствами и другими участниками мировых процессов, а также неоднородная природа данного явления. Изучаемые события разворачиваются на фоне изменения отношения к традиционным формам насилия, что позволяет государствам отдавать часть силовых функций на “аутсорсинг”. При этом некоторые страны не только не теряют монополию на насилие, но зачастую расширяют арсенал своего влияния с помощью ЧВОК. Вместе с тем деятельность ЧВОК в “слабых” странах способна влиять на незабываемость их государственности. Статья также затрагивает вопрос демократического контроля над деятельностью ЧВОК.

Ключевые слова: негосударственные акторы, частные военные и охранные компании (ЧВОК), суверенитет, асимметричные конфликты, новый тип войн, приватизация и аутсорсинг в сфере безопасности, демократический контроль, государственная монополия на легитимное насилие.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-24-36

Становление мирового рынка частных услуг в сфере безопасности и формирование феномена частных военных и охранных компаний (ЧВОК) происходят под влиянием различных тенденций последних десятилетий. Наблюдается трансформация силовой составляющей системы международных отношений на фоне диверсификации угроз, которые становятся все менее предсказуемыми. При этом усилия государств, направленные на реализацию собственных интересов, как и прежде, во многом сосредотачиваются на военных принципах [1]. В то же время традиционная крупномасштабность и межгосударственность вооруженных столкновений (по типу Первой или Второй мировых войн) сегодня все в большей степени приобретает характер “асимметричных”, “низкоинтенсивных”, “гибридных” войн с участием таких структур, как ЧВОК [2; 3; 4; 5; 6; 7].

По мнению Дж. Ная, “сила отнюдь не устарела, и никакие моральные принципы особенно не сдерживают террористов и иных негосударственных игроков на мировой сцене в отличие от государств, однако сила гораздо дороже обходится большинству государств и ее гораздо сложнее применять в наше время в сравнении с прошлым” [2, с. 71]. Отчасти это связано с коммерциализацией значительного числа отраслей традиционно публичной политики, включая сферу безопасности.

Наиболее активно практика взаимодействия с ЧВОК начала складываться в США в 80-е годы XX столетия. Реализация национальных интересов Вашингтона во внешнеполитической стратегии во многом происходит посредством конфликтного поведения, присущего американской политике [8]. Критика правительства страны за огромные потери личного состава во вьетнамской и корейской войнах привела к необходимости пересмотра военного поведения [9, с. 46]. Несмотря на необходимость урезания военных бюджетов и сокращения персонала в различных силовых ведомствах, реализация государственных интересов все же требовала от США дополнительных ресурсов и новых средств, которые бы не вызывали недовольства американского общества [10, с. 101]. Для этого требовался “механизм участия в региональных конфликтах без обременительной политической ответственности..., что открыло дорогу аутсорсингу военных функций” [9, с. 46].

ЧВОК В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ПАРАДИГМ

Если рассматривать такое явление, как частные военные и охранные компании с точки зрения *концепции политического неореализма*, то можно отметить, что опирающиеся на силу дипломатия и стратегия как

средства защиты и продвижения своих интересов сегодня пополняются новым инструментом [11, с. 22]. Концепция неореализма допускает любые действия, если они выгодны государству [12, с. 455]. В этом смысле ЧВОК “являются важным субъектом национальной безопасности и социальным партнером государства” [13]. С одной стороны, они позволяют некоторым государствам не подвергать риску солдат регулярной армии, а с другой — избегать прямой ответственности за действия персонала не из личного состава ВС, а также создавать иллюзию отсутствия ВС на территории других стран, заменяя их, до определенной степени, контрактниками, наращивая вооружения и тем самым продолжая сохранять баланс сил.

Тезис о том, что арсенал государственной политики пополняется новым инструментом — частными военными и охранными компаниями, подтверждает не только американский опыт, но и опыт Великобритании, где еще в 60-е годы минувшего века была зарегистрирована первая в мире ЧВОК. Политическая подоплека возникновения компании заключалась в том, что в 1962 г. Лондон отказался признать новое незаконное правительство в Йемене, которое пришло к власти в результате государственного переворота и свержения законного монарха. США и СССР заняли определенную политическую позицию и признали новый режим, однако Великобритания рассматривала план по восстановлению законной власти с помощью наемников, не привлекая национальные вооруженные силы.

Основатель специальных воздушных сил Великобритании Дэвид Стирлинг предложил частным образом задействовать бывших офицеров специальной военно-воздушной службы для обучения сторонников монархии военному делу, владению оружием, а также навыкам коммуникации и оказания медицинской помощи. В результате йеменских событий в 1967 г. появилась первая ЧВОК (*Watchguard International*). Так, операция на Ближнем Востоке положила начало новой форме политического противостояния мировых держав, которое позволяло реализовывать свои интересы без привлечения военного ресурса и без вмешательства во внутреннюю политику других стран. Это же проложило дорогу и новым направлениям в военно-охранной сфере: обучению, подготовке, тренировке вооруженных сил и т.д.

Включение ЧВОК в конфликты во многом продиктовано политически мотивированным нежеланием нанимающих их стран осуществлять некоторые функции силами государственных структур. Такая стратегия нивелирования позволяет создавать иллюзию отсутствия личного состава на территории других государств и при этом наращивать фактическое присутствие. То есть при небольшом контингенте

официальных вооруженных сил США как будто реализуют заявленные цели: борются с терроризмом, восстанавливают демократические ценности, осуществляют смену опасных режимов, обеспечивают безопасность, освобождают народы от тирании и т.п. В то же время “теневая” армия ЧВОК, которая следует за миссией и превосходит по количеству официальный контингент, является инструментом, способствующим закреплению американского влияния в том или ином регионе мира [10, с. 104].

Тенденции “аутсорсинга” государственных силовых функций в руки ЧВОК, заложенные Великобританией и США во второй половине прошлого века, позволили индустрии коммерческой военно-охранной безопасности развиваться и достигнуть небывалых размеров. В совокупности только этим двум странам принадлежит 75% мирового рынка ЧВОК¹. В свою очередь возникшие за эти десятилетия компании активно участвуют в приватизации государственных функций в сфере безопасности, то есть процессы “аутсорсинга” и приватизации протекают одновременно. В некоторой степени это связано с тем, что ЧВОК способны заменить государство в части его силовой составляющей, хотя национальные армии по-прежнему сохраняют контроль над крупными и наиболее разрушительными системами вооружений. В то же время ЧВОК обладают значительным количеством легких вооружений, которые в большинстве своем используют в местных и региональных конфликтах [2, с. 8].

Если с точки зрения концепции неореализма в мире преобладает “право сильного”, то *либеральная концепция* признает важную роль международных институтов, образований и негосударственных акторов (ЧВОК) в деле сотрудничества и реализации политики и предполагает, что на процесс принятия решений влияют не только интересы государств [14, с. 12]. В то же время многочисленные акторы на мировой арене создают неупорядоченность международных отношений, приводя к конфликтам и кризисам, которые не укладываются в традиционную реалистическую модель международной системы как простой совокупности государств.

Окончание холодной войны ознаменовало собой возникновение множества локальных конфликтов, что также усилило спрос на услуги ЧВОК для восстановления стабильности и порядка на местном уровне с привлечением небольшого количества ВС и техники. Хотя приоритетные направления для либерализма — это сотрудничество и коллективная безопасность, данные явления не могут

¹ Доля США составляет около 50% мирового рынка ЧВОК, доля Великобритании — примерно 25%.

рассматриваться в отрыве от конфликтов. ЧВОК начали активно выходить на рынки тех государств, где требовалась их помощь и где международное сообщество не проявляло особого интереса, считая подобные вооруженные столкновения внутренними процессами. В тех же случаях, где в конфликты вмешивались иностранные силы, сами международные организации стали привлекать ЧВОК к участию в миротворческих и гуманитарных операциях [15]. Так, ООН привлекает ЧВОК к своим многочисленным миссиям в странах Африки [15]. Более того, сегодня практически ни одна операция ООН, где требуется разминирование, не обходится без ЧВОК [16; 17]. По данным Рабочей группы ООН, по состоянию на май 2014 г. к миссиям организации было привлечено около 30 частных военных и охранных компаний [16].

Вышеописанную концепцию дополняет *неолиберальная модель*. С конца 70-х годов XX в. приватизация различных сфер жизни, передача в подрядное ведение множества функций на разных уровнях, а также утверждение государственно-частных партнерств становятся распространенными явлениями в мире [18, с. 198]. Начавшиеся после окончания холодной войны сокращения ВС по всему миру и последовавшие затем военные миссии в Афганистане и Ираке не только привели к тому, что тысячи бывших военных были вынуждены искать себе применение в рядах частных силовых структур, но также спровоцировали дефицит военных специалистов на государственном уровне. По причине перетекания квалифицированного персонала из национальных военных ведомств в частные структуры на фоне множества конфликтов по всему миру государствам и международным организациям теперь приходится искать персонал на рынке ЧВОК, который стал весьма конкурентным благодаря многолетним военным операциям на Ближнем Востоке [19].

В начале 2000-х годов мобилизация ресурсов и средств на глобальную кампанию по борьбе с терроризмом (*Global War on Terror, GWOT*) привела к новому этапу в развитии рынка ЧВОК. Спрос на услуги в сфере безопасности возрос многократно. Такие функции поддержки операций в Ираке и Афганистане, как охрана военных баз, транспортно-логистическое обеспечение, сопровождение колонн и т.п., были переданы правительством США в руки ЧВОК. Современные военные кампании в Сирии и Ираке против террористической организации ИГИЛ (запрещена в России) укрепляют заданную тенденцию. Параллельно

происходит трансформация отношения к угрозам в политике США [20].

ЧВОК И ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К НАСИЛИЮ

Со времен установления Вестфальского миропорядка в 1648 г., положившему начало современному международному укладу, государство считалось основным субъектом международных отношений [14, с. 9], а силовая составляющая оставалась неделируемой функцией до возникновения нового феномена современности – ЧВОК. В рамках неолиберальной концепции политика аутсорсинга силовых функций стала частью процесса, который стимулировали сами государства, порождая спрос на безопасность [18]. Это же явилось частью более глубоких сдвигов в перераспределении функций внутри государственной системы вообще и в сфере безопасности в частности. Трансформация отношения к насилию приводит к пересмотру подходов к такой категории, как исключительная государственная монополия на насилие.

С точки зрения неолиберализма, современное государство все больше ориентируется на управление процессами посредством привлечения частных акторов к стратегии власти. Правда, данное утверждение верно лишь в отношении мощных в ресурсном и военном плане государств, которые не воспринимают частных акторов безопасности как угрозу (силу, которая может монополизировать контроль и использовать свое влияние в целях присвоения некоторых государственных функций, игнорируя при этом власть других акторов).

Результатом подобного сотрудничества “сильных” государств и негосударственных акторов становится наложение частной сферы безопасности на государственную. Одним из наиболее значимых последствий такого процесса становится то, что организация власти, связанная с жесткой иерархией государственного суверенитета, меняется под воздействием происходящих процессов в современной сфере безопасности. В рамках неолиберальной модели важным представляется то, какими средствами и возможностями обладают государства для управления процессами в силовой сфере по мере образования множества акторов, инкорпорированных в организацию управления сферой безопасности.

Неолиберальная модель предполагает встраивание дополнительных сил в систему безопасности, однако нельзя утверждать, что государственный арсенал повсеместно пополняется новыми мощностями. Таким образом, несмотря на то что разнообразие и количество новых негосударственных акторов

увеличивается, и они отнюдь не существуют отдельно от государств, все же не все государства в полной степени способны контролировать и руководить ими. При этом далеко не все государства теряют свои позиции, передавая в подряд часть функций в силовой сфере. Трансформационные процессы не являются простым замещением государственных рычагов власти негосударственными, они меняют конфигурацию власти в различных сферах деятельности [21, р. 87]. Коммерческая безопасность (ЧВОК) не противостоит государственной, но и не выступает полностью самостоятельной, автономной сферой внутри государства. Несмотря на то что процесс приватизации безопасности часто происходит с согласия государств, влияние и последствия этого процесса вызывают определенное беспокойство.

Важно подчеркнуть, что сам феномен ЧВОК отнюдь не однороден. В случае с США и Великобританией его можно считать одним из инструментов продвижения политики этих государств. В случае с международными организациями наем ЧВОК для миротворческих миссий воспринимается через призму сотрудничества. Однако, с точки зрения тех стран, где такие компании действуют по контракту в русле интересов двух великих держав или в качестве субъектов содействия гуманитарным и миротворческим операциям, ЧВОК представляются самостоятельными организациями, то есть акторами. В результате дивиденды от соотношения сил между участниками международных отношений распределяются в пользу мощных в военном отношении государств, а ЧВОК, работающие в Ираке, Сирии, Афганистане, в различных районах Африки, совсем не способствуют реализации национальных интересов этих стран [22].

В первом случае ЧВОК в большинстве своем не представляют угрозу национальному суверенитету, так как во многом эти компании зависят от интересов государств и от потребности в реализации политической стратегии с их помощью. В таких “сильных” странах снижение государственных расходов и рост числа новых акторов, в том числе ЧВОК, не приводят к утрате контроля над происходящими процессами. Наоборот, в тех бедных регионах, где либерализация экономики повлекла за собой сокращение бюджетов, произошло ослабление контроля и утрата возможностей для управления. Рост числа ЧВОК в Африке отчасти связан с неспособностью государств континента самостоятельно обеспечить безопасность.

Сегодня ЧВОК способны стать альтернативой государственной силовой машине и превзойти в профессионализме военные ведомства некоторых стран, демонстрируя высокую степень

диверсификации и дифференциации предоставляемых услуг [21, р. 41]. В тех случаях, когда подобные организации не действуют в русле интересов того или иного государства, а занимаются исключительно бизнесом², шансы на превращение ЧВОК в серьезного актора увеличиваются. Иными словами, “там, где монополия на силу подорвана (в результате неэффективности местного правительства, гражданских выступлений и пр.)” [23, с. 533], ЧВОК замещают собой институты власти, подрывая тем самым субъектность “слабых” государств. Происходит процесс “перетекания” или делегирования субъектности одними участниками политического процесса другим.

В отличие от теорий неореализма, концепции баланса сил, теории международных режимов и пр., которые исходят из того, что именно государства являются источником опасности и только они могут обеспечивать стабильность на национальном и международном уровнях [24], *концепция сетевого или узлового управления в области безопасности* отрицает исключительные претензии суверенного государства на эту роль [21, р. 80]. Данная концепция изучает процесс возникновения фрагментированных, но пересекающихся сетей, которые создают основу для сотрудничества государственных и негосударственных акторов.

Элк Крахманн говорит об этом так: “В условиях децентрализации безопасности ресурсы рассеяны между государственными и негосударственными акторами, которые должны координировать свои действия, чтобы решить общие задачи. Учитывая то, что интересы этих акторов могут различаться, целью управления безопасностью является достижение каждым актором своей цели” [25, р. 18].

Сетевая или узловая модель отвергает приоритет какого-либо доминирующего центра, способного определять и регулировать деятельность других акторов мировых процессов, рассматривая управление как взаимоотношения, находящиеся внутри изменяющихся сетей. Лес Джонстон предлагает изучать управление в сфере безопасности через призму узлов как различных областей знаний, возможностей и ресурсов, которые работают в качестве самостоятельных, руководящих структур [21, р. 87]. То есть узловая концепция допускает децентрализацию государственных позиций в управлении сферой

² Если рассматривать деятельность ЧВОК в странах Африки, Азии и Латинской Америки как бизнес, даже в том случае, когда заказчиками таких услуг выступают не крупные фирмы, а представители властных структур, их присутствие в странах с “неокрепшей” государственностью и слабыми социальными институтами отчасти тормозит внутренние процессы развития и становления этих государств.

безопасности и не предполагает его прямого замещения другим независимым игроком. При этом сетевая модель не отрицает главенствующей роли государства, которое является особенным институтом, обладающим верховенством власти — доминантными юридическими и материальными возможностями. В частности, наличие у государства легитимной судебной власти, единственно уполномоченной принуждать и карать, делает его уникальным узловым элементом.

Децентрализованный “характер сети обуславливает возможность узлов покидать сеть и подключаться к ней в любое время... Значимость узлов проистекает не из их специфических черт, а из их способности к распределению информации. В этом смысле главные узлы — это узлы переключения. Каждый узел (актор) в системе имеет сетевую власть, которая заключается в способности влиять на деятельность других участников. Однако данное влияние не может быть навязано, то есть сетевая власть отличается от власти командования” [26, с. 72].

Такое поведение сети можно проследить на примере глобальной войны с терроризмом. Когда в 2001 г. началась эта кампания, ЧВОК, сопровождавшие официальные ВС, стали тем самым узловым звеном сети, которое сформировалось в результате начала вышеуказанной миссии. Однако по мере того, как операция по борьбе с терроризмом перемещалась из одного региона в другой, ЧВОК, будучи сетевым звеном, следовали за новыми вооруженными операциями. При этом они переставали играть важную роль, выходя из сети, когда сворачивалась операция в одном месте, и образовывали иные узлы, входя в другие сети, в новых операциях по борьбе с терроризмом.

Подобную ситуацию можно наблюдать и сегодня в Сирии, Ираке и ряде других стран, где идут боевые операции, направленные на борьбу с ИГИЛ [27]. Создавая узлы в предлагаемых обстоятельствах, военные операции образуют так называемую сетевую структуру *ad-hoc*, куда входят как ВС различных национальных государств, например, в составе коалиции, так и ЧВОК, которые оказывают содействие основным военным силам. В Ирак, где несколько лет назад закончилась очередная военная операция, снова были переброшены ЧВОК уже для нынешней кампании. Причем туда отправились те же ЧВОК, что работали в Ираке и в прошлый раз по контрактам с Министерством обороны США. Этим компаниям даже не приходилось налаживать связи и заниматься риск-менеджментом с нуля. Процедурная часть практически не изменилась. Они настолько знакомы с местностью и с особенностями ситуации

внутри страны, что это только помогает им и облегчает процесс работы.

Данная концепция применима и для рассмотрения некоторых стран Азии и Африки, где государства часто не способны обеспечить безопасность своими силами. Существование сетевой системы управления безопасностью здесь — наиболее благоприятная альтернатива иным механизмам управления, присущим стабильным обществам и государствам. В Африке активно идет приватизация сферы безопасности. Традиционно Африканский континент воспринимается как ареал, в малой степени затронутый глобализационными процессами. При этом именно здесь в большей степени, чем где бы то ни было, востребована внешняя помощь в сфере безопасности, что способствует переплетению глобальных и местных процессов. В африканских странах возникают новые формы глобального (внешнего) управления по мере того, как международные акторы все больше вовлекаются в систему управления. Наиболее известными акторами помимо ЧВОК здесь являются международные организации, финансовые институты, страны-доноры, НПО, которые посредством стратегий развития, структурных реформ, программ сокращения уровня бедности добились огромного и постоянного влияния на формирование политики и принятие решений на континенте.

Именно Африка представляет собой пример переустройства государственно-частных отношений, где благодаря присутствию частных акторов безопасности меняются структуры глобального управления, наиболее ярко проявляет себя множественная природа общей безопасности, а также происходит распад триады “государство—территория—власть”, которая долгое время доминировала в международных отношениях [21, р. 21]. Пожалуй, сегодня африканский материк представляет собой пример “размывания” суверенитета с наличием квазигосударств и с разнообразными формами внешнего управления, включая ЧВОК. С другой стороны, возможно ли говорить о государственности в строгом смысле слова применительно к Черному континенту?

В рамках сетевого подхода ЧВОК отводится роль одного из узлов в сетевых конструкциях, однако такой узел может быть связующим, обеспечивая сохранность и безопасность всей сети.

Еще одной значимой концепцией в сфере изучения вопросов безопасности стала *теория секьюритизации*, разработанная копенгагенской научной школой. Данная теория занимается исследованием контекста, который влияет на объект, приводя к его политизации, а также исследует процесс присвоения изучаемым объектам статуса угрозы безопасности.

Причем новое видение проблемы безопасности не означает автоматического увеличения списка угроз и включения в него, помимо военных и силовых, угроз невоенного характера [28]. Это можно увидеть на примере макросекьюритизации в борьбе против терроризма Соединенных Штатов [8].

Рассматривая терроризм в качестве угрозы безопасности и объявив ему войну в начале 2000-х годов, США привлекали огромное количество материальных и нематериальных ресурсов для борьбы с данной угрозой, в том числе, интегрируя в процесс ЧВОК. С 2000 по 2005 г. бюджет, выделяемый американским правительством на контракты, увеличился с 203 до 377 млрд долл., и более чем в 2 раза выросли суммы контрактов, заключенных на бесконкурентной основе – с 67 до 145 млрд долл. [29, р. 3] Таким образом, секьюритизация борьбы с терроризмом приводит к увеличению количества и стоимости контрактов с ЧВОК.

В конце февраля 2015 г. в связи с началом новой операции в Ираке в эту страну было отправлено несколько тысяч американских военных³. По данным Пентагона, на начало 2015 г. в Ираке уже находилось около 6300 контрактников [19]. Учитывая то, что в пик прошлой военной кампании в Ираке количество контрактников превышало 163 тыс. человек, очевидно, что и в нынешней миссии их число будет только увеличиваться. Сама же операция по борьбе с ИГИЛ затягивается на неопределенное время.

Так, в июне 2015 г. американская компания *SOS International (SOSi)*, которая является крупнейшей ЧВОК по сопровождению наземных операций в Ираке, выиграла годовой контракт стоимостью 700 тыс. долл.⁴ Летом 2015 г. США заключили с этой же компанией еще два контракта общей стоимостью 140 млн долл. Один из них – двухгодичный контракт на 40 млн долл., включал в себя обеспечение жизни и работы военного комплекса в Бесмайе [30]. Другой – стоимостью 100 млн долл. на оказание идентичных услуг на территории военного комплекса Таджи, был заключен на три года и продлится до конца июня 2018 г. [31]

Подобную тенденцию можно увидеть и на примере России, которая секьюритизировала проблему

борьбы с терроризмом в лице ИГИЛ и сначала интенсифицировала воздушную военную операцию в Сирии, а затем начала масштабные совместные российско-таджикские военные учения [32].

Происходит “перекодирование” всех международных отношений в терминах терроризма/контртерроризма. Войны, революции, национально-освободительные движения лишаются социальной специфики и начинают рассматриваться как проявления террористических устремлений. При этом ЧВОК получают новые функции противодействия терроризму и тем самым легитимируются в международной системе.

Важно подчеркнуть, что если рассматривать войну с терроризмом, как предлагает Владислав Иноземцев, в качестве мифа, который создают современные политики, чтобы оправдать свои агрессивные стремления [33, с. 454], то этот миф успешно существует в контексте борьбы с ним. С одной стороны, с точки зрения вышеописанной теории, происходит процесс секьюритизации такого феномена, как терроризм. С другой – под предлогом регулирования международных отношений и борьбы с терроризмом с помощью норм и права происходит интенсификация силовых операций, расширение сферы применения силы, а также наблюдается рост возможностей для применения и внедрения новых видов вооружений и военной техники [34, с. 558], в том числе использования такого инструмента политики, как ЧВОК.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГРОЗ И КОНФЛИКТЫ НОВОГО ТИПА

Изменение природы конфликтов и войн объясняют *концепции войн нового типа*. Традиционные войны вытесняются конфликтами неклассического и негосударственного типа, связанными с современными вызовами и угрозами. Среди признаков войн нового типа можно выделить различные формы терроризма, включая кибертерроризм, разветвленные сети международных экстремистских группировок, проблемы глобального неравенства, истощение природных ресурсов, невозможность контролировать денежные потоки, связанные с финансированием террористических организаций по всему миру, и т.д.

В результате сегодня выделяют два наиболее распространенных типа конфликта. “С одной стороны, это внутригосударственные конфликты за контроль над ресурсами, в борьбе за власть, экономические дивиденды. С другой – асимметричные войны крупных государств против государств-изгоев или транснациональных угроз” [35].

³ По состоянию на март 2015 г. в Ираке находилось 3,5 тыс. американских военных, которые занимались подготовкой и тренировкой иракских военных [19].

⁴ Контракт предусматривал отправку небольшой группы советников *SOSi*: одного эксперта – для консультирования представителей регионального правительства Иракского Курдистана и еще пятерых – для консультирования действующего правительства в Багдаде. Предполагалось, что контракт будет продлен еще на четыре года и достигнет 3,7 млн долл. [19].

В контексте исследования конфликтов нового типа “процесс глобализации, увеличивая число мало управляемых субъектов международных отношений, в ряде случаев может усиливать стихийность внешней среды” [14, сс. 19-20]. Данное замечание представляется важным для вывода о том, что процесс приватизации сферы безопасности и образование глобальных сетей безопасности происходит одновременно с другими мировыми процессами, в частности, с изменением характера современных конфликтов и с трансформацией подходов к применению насилия в современном обществе.

Сегодня государство с его многофункциональной и громоздкой военной машиной чаще противостоит группам людей, в арсенале которых находятся мобильные телефоны, интернет и социальные сети. У них нет ни штаб-квартиры, ни линии фронта, ни “тыла”, ни “передовой”. Несмотря на весь комплекс военной мощи, государству все труднее справляться с достаточно безликим, но многочисленным противником. Однако, если в прошлом те войны, которые нельзя было отнести к межгосударственным, признавались бунтами, повстанческими или национально-освободительными движениями, пиратством и т.п., то современные типы конфликтов, будь то “асимметричные”, “гибридные”, “неформальные”, “низкоинтенсивные” и пр., по сути, включают в себя черты “нетрадиционных” (в смысле “негосударственных”) войн прошлого, когда государству приходится иметь дело с негосударственным противником.

Наиболее верным представляется утверждение нидерландского исследователя и профессора социологии Чикагского университета Саскии Сассен о том, что не столько глобализация способствует частичному ограничению сферы компетенции государств, сколько сами государства усиливают глобализацию. По ее мнению, многие структуры, которые сегодня ассоциируются с глобализацией, возникли в результате инициатив самих государств и продолжают развиваться внутри измененных национальных институтов, позволяющих упростить деятельность таких структур [36, р. 6].

С. Сассен считает, что современные глобальные структуры включают в себя три ключевых процесса:

– *процесс демонтажа*, при котором прежде считавшиеся исключительно государственными функции все больше сосредотачиваются в руках частных акторов;

– *наращивание возможностей* самими частными акторами, что позволяет им действовать на международном уровне;

– *процесс повторного монтажа*, при котором новые акторы и возможности, которыми они обладают, становятся частью глобальных сетей, встроенных в национальные процессы, но действующих на международном уровне [36, р. 21]⁵.

При этом процесс демонтажа не считается признаком исчезновения национального государства. Скорее некоторые элементы традиционных государственных функций претерпевают изменения и переживают этап денационализации. Такой демонтаж одних государственных структур оказывает влияние на другие, трансформируя властные отношения между различными организациями и институтами внутри самого государства [36, р. 8]. В этом смысле глобальные процессы не являются теми внешними силами, которые способны кардинально подорвать представления о суверенитете и размыть целостность государств. Вместе с тем глобализация – это процесс, который в той или иной степени внедрен в функционирование и переустройство институтов и властных отношений внутри государства.

Частичный демонтаж государственного участия существенно способствовал возникновению ЧВОК с расширенными полномочиями и материальными ресурсами, которые сосредоточились в руках таких компаний. Кроме того, поскольку “легитимность большинства транснациональных акторов основана на универсальной, региональной, отраслевой, партикулярной полезности” [37], описываемый процесс привел к возникновению концептуально нового явления: социально признанных форм легитимации деятельности, при которых взаимодействие таких компаний с любыми субъектами позволяет им эффективно работать в сфере безопасности. Государства в данном случае играют очень важную роль, так как они позволяют ЧВОК встраиваться, оставаясь автономными, в работу госструктур, тем самым легитимируя и стимулируя деятельность компаний. Следствием данного процесса становится законодательное регулирование ЧВОК на государственном, региональном и международном уровнях.

Если рассматривать рост “приватизации безопасности” через призму процессов демонтажа, повторного монтажа и трансформации отношений внутри властных структур, то станет очевидно, что коммерческая сфера безопасности выходит за рамки традиционных государственных институтов, но

⁵ В результате сначала “демонтажа”, а затем повторного монтажа в сфере безопасности формируются сложные, многоузловые институциональные формы – *глобальные сети безопасности*, внутри которых различные акторы безопасности взаимодействуют, сотрудничают и конкурируют за право создания новых и лучших практик управления сферой безопасности.

отнюдь не отменяет монополию государств на легитимное насилие.

В российском научном сообществе существуют мнения о размывании суверенитета «вследствие возрастающей “проницаемости” границ и ослабления традиционных функций государства» [38; 39, с. 45], а также “в связи с ростом влияния новых субъектов, при одновременном ослаблении мощи самого государства и невозможности его функционирования без поддержки институтов международного сотрудничества” [38], что указывает на то, что общемировые тенденции, которые сопровождают процесс глобализации, “приводят к ослаблению и изменению функций наций-государств” [40, с. 14].

Очень важно подчеркнуть сформировавшееся в политической науке понимание государственности, опирающееся на тезис о том, что монополия государства на легитимное насилие и средства достижения этой монополии являются раз и навсегда закрепленными, незыблемыми и не изменяющимися с течением времени. Однако даже с образованием современного государства монополия на легитимное насилие никогда не была абсолютной. Данное предположение позволяет утверждать, что взаимосвязь между государством, осуществляющим легитимное насилие, и пониманием государственности может меняться [41, р. 36]. Сам по себе аутсорсинг не ведет к подрыву основ государственного суверенитета, а ЧВОК не представляют собой угрозу незыблемости государства как системы. Скорее, аутсорсинг представляет “вызов эффективности государственного контроля” [42].

Аутсорсинг военно-силовой деятельности не должен приводить к автоматическому делегированию связанного с ним контроля и ответственности в частные структуры. При этом такой контроль не обязательно принадлежит исключительно правительству. Он может быть общественным. Данное утверждение особенно актуально в отношении “слабых” государств или в условиях конфликта, когда возможность государственного контроля либо ограничена, либо вовсе отсутствует [41, pp. 57-58].

В последние годы в связи с изменением характера угроз активно обсуждается концепция реформирования сферы безопасности (*Security Sector Reform – SSR*) по всему миру. Вопрос участия в этом процессе ЧВОК остается нерешенным, хотя эти структуры включены в систему безопасности. Зачастую, когда речь заходит о проектах и предложениях, касающихся реформы государственной сферы безопасности, их просто игнорируют [43, р. 22].

Почему включение негосударственных акторов в переустройство сферы безопасности

представляется важным? Как отмечают некоторые российские авторы, «в демократических странах контроль над военной организацией и военной политикой зиждется главным образом на трех “китах”. Во-первых, это контроль законодательной власти над исполнительной, включая ее “силовые ведомства”, а также участие законодателей в военной политике и военном строительстве. Во-вторых, основой гражданского контроля является институт гражданского министра обороны. И, в-третьих, это открытость информации, допуск научных центров, прессы и общественных организаций к информации о жизнедеятельности ВС и других силовых структур, “подпитка” законодательной и исполнительной властей со стороны гражданского общества» [44].

В демократических обществах национальное государство, в руках которого сосредоточен контроль над применением силы, осуществляет прямые и не прямые консультации с обществом до того, как прибегнуть к средствам насилия [45, р. 26]. Но если государственная монополия на применение силы приватизируется иными структурами, то потенциально может возникнуть прецедент, связанный с преодолением запрета на применение силы иными средствами. Тем самым участие гражданского общества в диалоге с государством будет исключено, а функции общественного контроля утрачены [46, pp. 44-45].

С одной стороны, участие ЧВОК в обеспечении безопасности упрощает процесс и снимает с повестки дня государств необходимость формировать и отправлять военные подразделения для выполнения заданий за пределы страны, а также ускоряет процедуру согласований и консультаций. С другой – механизмы демократического контроля, включая гражданское общество, оказываются исключены из этого процесса. Кроме того, не имея ясного правового статуса, такие структуры безопасности, как ЧВОК, “не играющие законной и демократически подотчетной роли в обеспечении безопасности для граждан, не только не способны предотвратить возникновение конфликтов, но и сами могут быть источником насилия” [47, р. 5; 48].

Говоря о системе безопасности, важно понимать, что “не только расширяется объект демократического контроля ..., но и меняются процедуры, функции... и некоторые цели контроля... Это задачи включения военной организации во всех ее разнообразных проявлениях в саму демократическую структуру” [49, с. 8]. Поэтому такому явлению, как ЧВОК, следует уделить особое внимание в контексте реформирования сферы безопасности, чтобы определить их место в этой области, придать

политический статус и сделать его объектом демократического контроля.

Сегодня ЧВОК – это активно развивающийся и динамичный бизнес с многомиллиардными оборотами, огромной клиентской сетью и гибкой структурой, способный конкурировать, оперативно реагировать и успешно ориентироваться в условиях рынка. Невозможно не замечать такую силу и не включать ее в концепцию реформы сферы безопасности, равно как нельзя не наделить ее общепризнанным статусом и не выработать механизмы контроля.

При этом важно понимать, что осуществление демократического контроля над деятельностью ЧВОК следует вести по нескольким направлениям. Во-первых, мониторингу должна подлежать *направленность деятельности* компаний, что подразумевает отслеживание функций, прописанных в контракте ЧВОК. Во-вторых, крайне важна оценка адекватности *финансирования* контрактов ЧВОК, то есть четкое понимание стороной, берущей на себя ответственность за оплату услуг ЧВОК, необходимости избежать нецелевого использования средств или случаев мошенничества⁶. В-третьих, контроль должен затрагивать такой аспект, как *регулирование* на предмет соответствия деятельности ЧВОК общепринятым правилам функционирования подобных компаний, а также прозрачность в вопросе о том, кому они подчиняются [41, р. 58].

* * *

Как видно из исследования, частные военные и охранные компании являются новым, весьма многогранным и гибким феноменом современной системы международных отношений. Одна из их значимых особенностей состоит в том, что, будучи законтрактованными самыми разными клиентами (от госструктур и международных организаций до бизнеса, НПО и физлиц), ЧВОК обладают двойной природой: “инструментальностью” в глазах “сильных” государств, когда они становятся продолжением политики, и субъектностью или акторностью с точки зрения “слабых” стран, представляя альтернативу действиям государств и международных организаций.

⁶ По данным Международного консорциума журналистских расследований за период с 2003 по 2013 г., 10 крупнейших ЧВОК, задействованных в иракской и афганской кампаниях, получили в совокупности 83 млрд долл. Из них более 40 млрд пришлось только на одну компанию – *KBR*. Проводившая расследование комиссия пришла к заключению о том, что, по приблизительным подсчетам, от 31 до 60 млрд долл., потраченных на контракты, являлись недобросовестными и нецелевыми тратами [50; 51, р. 5].

ЧВОК обеспечивают транспортно-логистическую поддержку сил США в зарубежных кампаниях и помогают местным властям обеспечивать порядок в странах Африки. Они включены в миссии ООН по охране персонала, утилизации взрывчатых веществ, а также по восстановлению с нуля ВС “слабых” стран [15]. Представители этих компаний консультируют высшие эшелоны власти и тренируют военный персонал по всему миру. ЧВОК занимаются охраной диппредставительств и месторождений полезных ископаемых, расшифровывают информацию, записанную с помощью дронов [19], а в некоторых странах сотрудники ЧВОК могут задерживать нарушителей общественного порядка [52, р. 19]. Среда, в которой действуют частные военные и охранные компании, не ограничивается только конфликтными регионами, но включает в себя также постконфликтные и мирные территории.

Однако то, что для одних государств – реализация собственных интересов (инструментальность), для других – вмешательство во внутренние дела (акторность или субъектность). Важно то, что и в том, и в другом случае в руках ЧВОК сосредотачиваются такие функции в сфере безопасности, которые раньше выполняли только государства. Все это ведет к необходимости создания особого механизма регулирования деятельности ЧВОК, который бы учитывал специфику данного вида бизнеса.

Принципиальным здесь должен стать вопрос определения функций, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть переданы третьим лицам. Поскольку в каждой стране список неотъемлемых государственных функций в сфере безопасности будет отличаться, единственной оптимальной мерой на сегодняшний день представляется законодательное закрепление *невозможности делегирования такой деятельности, как хранение, доставка, сопровождение ОМУ и средств его доставки*.

Данная мера поможет снизить градус напряженности в связи с угрозой, которую ЧВОК потенциально могут из себя представлять для суверенитета и для монополии государств на легитимное насилие. Это важно еще и потому, что статус ЧВОК в международном праве пока не определен. Хотя их частичная легитимация происходит за счет того, что действия государств, определяющих тенденции международных отношений, “могут сами по себе становиться правилом как нормой, закрепленной цепью прецедентов” [34, с. 545], а также за счет привлечения ЧВОК к сотрудничеству с международными организациями [53, р. 40], все же невнимание к такой чувствительной области, как ОМУ, не должно становиться угрозой для всего мира.

Учитывая то, что военные миссии, а также миротворческие и гуманитарные операции в мире продолжатся, феномен ЧВОК и дальше будет фигурировать в повестке дня, принимая иные формы и адаптируясь к новым условиям и запросам времени. Параллельно с этими процессами продолжится обсуждение возможных форм регулирования и легитимации деятельности ЧВОК, оказывая определенное влияние на развитие международного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Коппитерс Б., Фоушин Н., Апресян Р., ред. *Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры*. Москва, Гардарика, 2002. 407 с. [Coppiters B., Foushin N., Apresyan R., eds. *Nravstvennye ogranicheniya voyny: problemy i primery* [Moral Limits on War: Problems and Examples]. Moscow, Gardarika, 2002. 407 p.]
2. Най С. Дж. (мл.) *Будущее власти*. Москва, АСТ, 2014. 416 с. [Nye S. J. (Jr.) *Budushchee vlasti* [The Future of Power]. Moscow, AST, 2014. 416 p.]
3. Кревельд М. ванн. *Трансформация войны*. Москва, ИРИСЭН, Социум, 2015. 320 с. [Creveld M. van. *Transformatsiya voyny* [Transformation of Warfare]. Moscow, IRISEN, Sotsium, 2015. 320 p.]
4. Калдор М. *Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху*. Москва, Издательство Института Гайдара, 2015. 416 с. [Kaldor M. *Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu* [New and Old Wars: an Organized Violence in the Global Era]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015. 416 p.]
5. Казанцев А. А., Синегубов А. Л. Концепция операций “нового типа”: опыт глобальной “войны с терроризмом” и операции в Ираке. *Ежегодник ИМИ*, 2013, № 3–4, сс. 117–132. [Kazantsev A. A., Sinegubov A. L. Kontseptsiya operatsii “novogo tipa”: opyt global'noi “voyny s terrorizmom” i operatsii v Irake [A Concept of the “New Type” Operations: An Experience of the Global “War On Terrorism” and the Iraqi Operation]. *Ezhegodnik IMI*, 2013, no. 3-4, pp. 117-132.]
6. Фененко А. Современные конфликты – отражение войн XVII–XVIII веков. *Народный корреспондент*, 08.05.2015. [Fenenko A. Sovremennye konflikty – otrazhenie voyn XVII–XVIII vekov [Modern Conflicts – a Reflection of Wars of XVII–XVIII centuries]. *Narodnyi korrespondent*, 08.05.2015.] Available at: <http://nk.org.ua/geopolitika/sovremennye-konflikty-otrazhenie-voyn-xvii-xviii-vekov-5907> (accessed 25.04.2017).
7. Топычканов П. “Гибридная война” – научный термин или пропагандистский штамп? *Московский Центр Карнеги*, 15.07.2015. [Topychkanov P. “Gibridnaya voina” – nauchnyi termin ili propagandistskii shtamp? [“Hybrid War” – A Scientific Term or Propaganda Cliché?]. *Carnegie Moscow Center*, 15.07.2015.] Available at: <http://carnegie.ru/2015/07/15/ru-pub-60747> (accessed 25.04.2017).
8. Сушенцов А. *Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов*. Богатуров А. Д., отв. ред. Москва, МГИМО-Университет, 2014. 230 с. [Sushentsov A. *Ocherki politiki SShA v regional'nykh konfliktakh 2000-kh godov* [An Essay on of the US Politics in Regional Conflicts in 2000s]. Bogaturov A. D., ed. Moscow, MGIMO-University, 2014. 230 p.]
9. Сырхаев А. Приватизация войны в США. *История государства и права*, 2012, № 16, сс. 46–48. [Syrykhaev A. Privatizatsiya voyny v SShA [Privatization of War in USA]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2012, no. 16, pp. 46-48.]
10. Небольсина М. А. *Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав*. Дисс. канд. полит. наук. Москва, 2016. 248 с. [Nebol'sina M. A. *Regulirovanie deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii: sravnitel'nyi analiz politiki mezhdunarodnykh organizatsii i mirovykh derzhav*. Diss. kand. polit. nauk [Regulation of Private Military and Security Companies: a Comparative Analysis of International Organizations' and World Powers' Politics. Kand. diss. (Political Studies)]. Moscow, 2016. 248 p.]
11. Цыганков П. А., ред. *Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации*. Учебное пособие. Москва, Альфа-М: ИНФРА-М, 2011. 336 с. [Tsygankov P. A., ed. *Mezhdunarodnye otnosheniya: teorii, konflikty, dvizheniya, organizatsii*. Uchebnoe posobie [International Relations: Theories, Conflicts, Movements, Organizations. Tutorial]. Moscow, Alfa-M: INFRA-M, 2011. 336 p.]
12. Пугачев В., Соловьев А. *Введение в политологию*. Учебник для студентов вузов. Москва, Аспект Пресс, 2002. 477 с. [Pugachev V., Solov'ev A. *Vvedenie v politologiyu*. Uchebnik dlya studentov vuzov. [Introduction into Political Studies. Tutorial for Students]. Moscow, Aspekt Press, 2002. 477 p.]
13. Семёнова Л. А. Негосударственная система безопасности как новый элемент социально-профессиональной структуры постсоветской России. *Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса: “Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие”*. Москва, РОС, 2012, сс. 3216–3222. [Semenova L. A. Nego sudarstvennaya sistema bezopasnosti kak novyi element sotsial'no-professional'noi struktury postsovetskoï Rossii [Non-State System of Security as a New Element of Social and Professional Structure of Post-Soviet Russia]. *Materialy IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa: “Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiie”* [Materials of the IV-th Regular All-Russian Sociological Congress: “Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development”]. Moscow, ROS, 2012, pp. 3216-3222]. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2513> (accessed 16.02.2017).

14. Давыдов Ю. *Норма против силы. Проблема мирорегулирования*. Москва, Наука, 2002. 287 с. [Davydov Yu. *Norma protiv sily. Problema miregulirovaniya* [Legal Norm Versus Force. The Problem of Governance in the World Order]. Moscow, Nauka, 2002. 287 с.]
15. Gumedze S. *From Market for Force to Market for Peace. Private Military and Security Companies in Peacekeeping Operations*. Pretoria, Institute for Security Studies, 2011. 127 p. Available at: <https://www.issafrica.org/uploads/Mono183.pdf> (accessed 17.03.2016).
16. Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. Записка Генерального секретаря. A/69/338. 21.08.2014. [Report of the Working Group on the Use of Mercenaries as a Means of Violating Human Rights and Impeding the Exercise of the Right of Peoples to Self-Determination Note by the Secretary-General. A/69/338. (In Russ.)] Available at: http://psm.du.edu/media/documents/international_regulation/united_nations/human_rights_council_and_ga/wg_on_mercenaries/reports_and_statements/a-69-338_russian.pdf (accessed 25.04.2017).
17. Langewiesche W. *The Chaos Company*. April 2014. Available at: <http://www.vanityfair.com/news/business/2014/04/g4s-global-security-company> (accessed 17.02.2017).
18. Небольсина М. Феномен частных военных и охранных компаний: проблемы легитимности. *Ежегодник ИМИ*, 2014, № 3-4, сс. 196-205. [Nebol'sina M. Fenomen chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii: problemy legitimnosti [Phenomenon of Private Military and Security Companies: a Problem of Legitimacy]. *Ezhegodnik IMI*, 2014, no. 3-4, pp. 196-205.]
19. Brannen K. *The Company Getting Rich Off the ISIS War* (2015). Available at: <http://www.thedailybeast.com/articles/2015/08/02/the-company-getting-rich-off-of-the-isis-war.html> (accessed 12.02.2017).
20. Волеводз А. Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве. *Международное уголовное право и международная юстиция*, 2014, № 2, сс. 3-6 [Volevodz A. G. Kriminalizatsiya mezhdunarodnogo terrorizma v уголовном праве [Criminalization of International Terrorism under Criminal Law]. *Mezhdunarodnoye ugovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2014, no. 2, pp. 3-6.]
21. Abrahamsen R., Williams M. C. *Security Beyond the State: Private Security in International Politics*. Cambridge University Press, 2011. 272 p.
22. Кудряшова Ю. С. Перспективы участия Турции в сирийском конфликте. *Ежегодник ИМИ*, 2012, № 1, сс. 263-269. [Kudryashova Yu. S. Perspektivy uchastiya Turtsii v siriiskom konflikte [Perspectives for Turkey to Join Syrian Conflict]. *Ezhegodnik IMI*, 2012, no. 1, pp. 263-269.]
23. Саваськов П. В., Сафранчук И. А. Новые аспекты военной безопасности: Пиратство и частные военные (силовые) компании. *Современные международные отношения. Учебник МГИМО (У) МИД РФ*. Торкунов А. В., Мальгин А. В., ред. Москва, АСПЕКТ ПРЕСС, 2012, сс. 519-537. [Savas'kov P.V., Safranchuk I. A. Novye aspekty voennoi bezopasnosti: Piratstvo i chastnye voennye (silovye) kompanii [New Aspects of Military Security: Piracy and Private Military (Security) Companies]. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya. Uchebnik MGIMO (U) MID RF* [Modern International Relations. Tutorial of MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. Torkunov A. V., Malgin A. V., eds. Moscow, ASPEKT PRESS, 2012, pp. 519-537.]
24. Krahnemann E. New Threats and New Actors in International Security. *From State to Non-State Actors: the Emergence of Security Governance*. Krahnemann E., ed. New York, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 3-19.
25. Krahnemann E. Security Governance and Networks: New Theoretical Perspectives in Transatlantic Security. *Cambridge Review of International Affairs*, 2005, no. 18 (1), pp. 15-30.
26. Метелева Е. Р. Разработка теоретико-методологических положений сетевого управления. *Известия ИГЭА*, 2008, № 3 (59), сс. 69-72. [Meteleva E. R. Razrabotka teoretiko-metodologicheskikh polozhenii setevogo upravleniya [The Development of Theoretical and Methodological Approaches to Network Governance]. *Izvestiya IGEA*, 2008, no. 3 (59), pp. 69-72.] Available at: <http://izvestia.isea.ru/pdf.asp?id=4723> (accessed 13.02.2017).
27. McLeary P. *US Looking for Contractors to Help in Iraq* (2015). Available at: <http://www.defensenews.com/story/defense/2015/03/09/us-private-contractor-iraq-isis/24654439/> (accessed 10.03.2016).
28. Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Colchester, ECPR Press, 2007. 318 p.
29. Lilly S. *A Return to Competitive Contracting. Congress Needs to Clean Up the Procurement Process Mess* (2007). Available at: https://cdn.americanprogress.org/wp-content/uploads/issues/2007/05/pdf/procurement_paper.pdf (accessed 13.02.2017).
30. Lee J. *SOSi Wins Another Iraq Order*. 20 June 2015. Available at: <http://www.iraq-businessnews.com/2015/06/20/sosi-wins-another-iraq-order/> (accessed 24.04.2017).
31. Lee J. *More Iraq Business for SOS Int'l*. 3 July 2015. Available at: <http://www.iraq-businessnews.com/2015/07/03/more-iraq-business-for-sos-intl/> (accessed 12.02.2017).

32. *Российско-таджикские учения проходят почти по всей границе с Афганистаном.* [Joint Russian-Tajic Military Exercises Are On Almost All Along the Afghanistan Border (In Russ.)]. Available at: <http://regnum.ru/news/polit/2097607.html> (accessed 16.02.2017).
33. Иноземцев В. И. Очень современный противник. *Россия в глобальном мире: 2000–2011. Хрестоматия в 6 томах.* Иванов И. С., ред. Москва, Аспект Пресс, 2012. Т. 2, сс. 451-463. [Inozemtsev V. I. Ochen' sovremennyi protivnik [A Very Modern Enemy]. *Rossiya v global'nom mire: 2000–2011. Khrestomatiya v 6 tomakh* [Russia in a Global World: 2000–2011. Reading-Book in Six Volumes]. Ivanov I. S., ed. Moscow, Aspekt Press, 2012. Vol. 2, pp. 451-463.]
34. Богатуров А. Современный международный порядок. *Россия в глобальном мире: 2000–2011. Хрестоматия в 6 томах.* Иванов И. С., ред. Москва, Аспект Пресс, 2012. Т. 1, сс. 539-561. [Bogaturov A. Sovremennyi mezhdunarodnyi poriyadok [Modern Military World Order]. *Rossiya v global'nom mire: 2000–2011. Khrestomatiya v 6 tomakh* [Russia in a Global World: 2000–2011. Reading-Book in Six Volumes]. Ivanov I. S., ed. Moscow, Aspekt Press, 2012. Vol. 1, pp. 539-561.]
35. Панова В. Современные западные исследования международного конфликта. *Международные процессы*, 2005, т. 3, № 2 (8), сс. 53-65. [Panova V. Sovremennye zapadnye issledovaniya mezhdunarodnogo konflikta [Modern Western Studies of an International Conflict]. *International Trends*, 2005, vol. 3, no. 2 (8), pp. 53-65.] Available at: <http://www.intertrends.ru/seven/005.htm> (accessed 16.02.2017).
36. Sassen S. *Territory, Authority, Rights.* Princeton University Press, 2006. 502 p.
37. Кузнецов И. И. Транснациональные отношения в системе государств: партнерство или новый виток соперничества? “Космополис”. *Альманах.* Москва, Полис, 1999, сс. 122-126. [Kuznetsov I. I. Transnatsional'nye otnosheniya v sisteme gosudarstv: partnerstvo ili novyi vitok sopernichestva? [Transnational Relations in the System of States: Partnership Versus New Wave of Competition]. “*Kosmopolis*”. *Al'manakh.* Moscow, Polis, 1999, pp. 122-126.]
38. Цыганков П. Мировая политика и ее содержание. *Международные процессы*, 2005, т. 3, № 1 (7), сс. 53-65. [Tsygankov P. Mirovaya politika i ee sodержanie [World Politics and It's Content]. *International Trends*, 2005, vol. 3, no. 1 (7), pp. 53-65.] Available at: <http://www.intertrends.ru/seventh/005.htm> (accessed 28.12.2015).
39. Мунтян М. *Основы теории международных отношений.* Учебное пособие. Москва, МАБиУ, 2006. 164 с. [Muntyan M. *Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Uchebnoe posobie* [Fundamentals of International Relations Theory. Tutorial]. Moscow, MABiU, 2006. 164 p.]
40. Мартынов В. А. Прогноз тенденций мирового экономического развития. Главные факторы становления мирового порядка. “Космополис”. *Альманах.* Москва, Полис, 1999, сс. 12-17. [Martynov V. A. Prognoz tendentsii mirovogo ekonomicheskogo razvitiya. Glavnye faktory stanovleniya mirovogo poriyadka [Outlook for the World Economic Development Trends. Key Aspects of the World Order Emergence]. “*Kosmopolis*”. *Al'manakh.* Moscow, Polis, 1999, pp. 12-17.]
41. Berndtsson J. *The Privatisation of Security and State Control of Force. Changes, Challenges and the State of Iraq* (2009). Doctoral Dissertation in Peace and Development Research School of Global Studies. University of Gothenburg, 239 p. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.613.5690&rep=rep1&type=pdf> (accessed 04.06.2016).
42. Балахнин И., Жигжитов С. Трансформация государственного суверенитета и вопросы проблемной государственности в условиях перехода к информационному обществу. *Материалы конференции кафедры сравнительной политологии “Государства и их соперники в мировой политике”.* МГИМО, 19.11.2008. [Balakhnin I., Zhigzhitov S. Transformatsiya gosudarstvennogo suvereniteta i voprosy problemnoi gosudarstvennosti v usloviyakh perekhoda k informatsionnomu obshchestvu [Transformation of State Sovereignty and Problematic Stateness in the Transition Process to Information Society]. *Materialy konferentsii kafedry sravnitel'noi politologii “Gosudarstva i ikh soperniki v mirovoi politike”* [Materials of Comparative Politics' Department Conference: “States and Their Rivals in the World Politics”]. МГИМО, 19.11.2008.] Available at: <http://old.mgimo.ru/study/faculty/politics/ksp/docs/34538/document34545.phtml> (accessed 20.04.2015).
43. Gumede S. *Regulation of the Private Security Sector in Africa. Policy Paper.* Institute for Security Studies (ISS), 2008. 44 p. Available at: <http://www.issafrica.org/uploads/PVTSECPOLPAPFEB09.PDF> (accessed 12.08.2015).
44. Арбатов А. Г. Парламентский контроль над военной организацией и политикой Российской Федерации. *Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ.* Никитин А. И., ред. Москва, “Эслан”, 2002, сс. 12-21. [Arbatov A. G. Parlamentskii kontrol' nad voennoi organizatsiei i politikoi Rossiiskoi Federatsii [Parliamentary Control Over Military Organization and Russian Politics]. *Demokraticeskii kontrol' nad voennoi sferoi v Rossii i stranakh SNG* [Democratic Control over Military Sphere in Russia and CIS]. Nikitin A. I., ed. Moscow, “Eslan”, 2002, pp. 12-21.]
45. Федоров Ю. Е. Гражданский контроль над вооруженными силами: мировой опыт и российские проблемы. *Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ.* Никитин А. И., ред. Москва, “Эслан”, 2002, сс. 21-40. [Fedorov Yu. E. Grazhdanskii kontrol' nad vooruzhennymi silami: mirovoi opyt i rossiiskie problemy [Civil Control over Military Forces: World Practice and Russian Problems]. *Demokraticeskii kontrol' nad voennoi sferoi v Rossii i stranakh SNG* [Democratic Control over Military Sphere in Russia and CIS]. Nikitin A. I., ed. Moscow, “Eslan”, 2002, pp. 21-40.]
46. Mandel R. *Armies Without States: the Privatization of Security.* London, Lynne Rienner Publishers, 2002. 169 p.

47. Born H., Fluri P. Oversight and Guidance: The Relevance of Parliamentary Oversight for Security Sector Reform. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). *Working Paper*, no. 114, 2003. Available at: http://iskran.ru/cd_data/disk2/rr/021.pdf (accessed 13.02.2017).
48. Lilly D., Luckham R., Von Tangen Page M. *A Goal Oriented Approach to Governance and Security Sector Reform* (2002). Available at: http://legacy.international-alert.org/sites/default/files/Goal_Oriented_Reform_Security_Peacebuilding_EN_2002.pdf (accessed 25.04.2017).
49. Никитин А. И. Перестройка военно-гражданских отношений в новых независимых государствах. *Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ*. Никитин А. И., ред. Москва, “Эслан”, 2002, сс. 6-11. [Nikitin A. I. Perestroika voenno-grazhdanskikh otnoshenii v novykh nezavisimyykh gosudarstvakh [Reorganization of Military-Civil Relations in the New Independent States]. *Demokraticheskii kontrol' nad voennoi sferoi v Rossii i stranakh SNG* [Democratic Control over Military Sphere in Russia and CIS]. Nikitin A. I., ed. Moscow, “Eslan”, 2002, pp. 6-11.]
50. Invasion of Iraq, 10 Years Later. *The Center for Public Integrity*, 19.03.2013. Available at: <http://www.publicintegrity.org/2013/03/19/12331/invasion-iraq-10-years-later> (accessed 24.06.2015).
51. *Transforming Wartime Contracting. Controlling Costs, Reducing Risks. Final Report to Congress*, August 2011. 248 p. Available at: https://cybercemetery.unt.edu/archive/cwc/20110929213820/http://www.wartimecontracting.gov/docs/CWC_FinalReport-lowres.pdf (accessed 24.04.2017).
52. Buzatu A.-M. European Practices of Regulation of PMSCs and Recommendations for Regulation of PMSCs through International Legal Instruments. *The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF)*. 2008. 59 p. Available at: http://psm.du.edu/media/documents/reports_and_stats/think_tanks/dcaf_buzatu_european-practices.pdf (accessed 17.02.2017).
53. Singer P. W. *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry*. New York, Cornell University Press, 2007. 333 p.

***THEORETICAL APPROACH TO UNDERSTANDING THE NATURE
OF PRIVATE MILITARY AND SECURITY COMPANIES***

(World Economy and International Relations, 2017, vol. 61, no. 8., pp. 24-36)

Received 28.10.2016.

Mariya A. NEBOL'SINA (nebol'sinama@gmail.com),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow 119454, Russian Federation.

The research describes a phenomenon of private military and security companies (PMSCs) in terms of various theoretical conceptions. Fast emergence of new actors, their transformation and a shift from old activity forms to new ones often outpace a political assessment of their nature, their impact on some other international trends and implications of their use that may arise. The research studies the causes for intensification of PMSCs in recent times, their cooperation with states and other actors of the global process. Not a single military operation or a peacekeeping mission goes nowadays without support of these companies. The research also touches upon a dual nature of PMSCs that unveils both their “instrumentalism” and “actorship”. All these trends are going on against the backgrounds of transformation of conventional violence forms – a remarkable feature of which is a new type of war with multiple modern devices and unclear enemies. The transformation of violence lets states outsource a number of security functions to third parties, i.e. PMSCs. On the one hand, rather than losing control over the monopoly on violence the states are expanding their influence using new capacities. On the other hand, PMSCs' activity in “weak” states with fragile governmental institutions can have a far-reaching impact on inviolability of the state-ness. Some cases prove PMSCs to be instruments and agents of state interests becoming conductors of states' and international organizations' politics. Other cases demonstrate a high level of independence of these companies and their ability to substitute for law enforcement and social institutions in a number of “weak” states. Considering a mixture of “actorship” and “instrumentalism” of PMSCs, their impact on the world politics in the future remains unclear. Taking into account an ambiguous status of the phenomenon under International Law, the article briefly draws on an important question of democratic control over PMSCs.

Keywords: non-state actors, private military and security companies (PMSCs), sovereignty, non-conventional conflicts, new type warfare, privatization and outsourcing in security sphere, democratic control, state monopoly on the legitimate use of violence.

About author:

Mariya A. NEBOL'SINA, Candidate of Political Sciences, Researcher, Center for Euro-Atlantic Security of International Studies Institute.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-24-36